

Тот, кто навел порядок, помолчал мгновение, а затем холодно произнес:

— Ты подмешала маковый дурман в вино и думала, что я не догадаюсь?

Ичжоу славится своими ядовитыми испарениями. За восемьсот лет со дня основания великой империи Да-И никто так и не смог до конца покорить эти загадочные земли. Именно там находится родина Юэ Ниншуан.

Во времена правления императора У из предыдущей династии кто-то впервые обнаружил, что маковый дурман способен притуплять боль у тяжелораненых. С тех пор это средство стало чудодейственным лекарством, за которое готовы были отдать любые деньги. Однако позже выяснилось, что те, кто подсел на дурман, редко живут дольше года.

Столкнувшись с подобной угрозой, старый хоу Су приказал Армии Динбэй строго запретить любые контакты с этим веществом. Запрет был столь же решительным, как и борьба с колдовством в столице, но черный рынок продолжал процветать.

Юэ Ниншуан усмехнулась:

— Не зря тебя называют непобедимым великим генералом, проницательности тебе не занимать! Когда ты догадалась?

— Только что.

Су Лисюэ продолжила:

— Это вино подавляет сердцебиение гораздо лучше, чем раньше. Я проверила, с винокурней все в порядке. Значит, дело в человеке, что рядом со мной. В тебе.

В армии Да-И женщин нет, а потому и женщин-лекарей почти не встретишь. А в ситуации Су Лисюэ нельзя довериться первому встречному. Только Юэ Ниншуан могла приблизиться к ней. И всегда могла только она.

— Лисюэ, скажу правду: ты выпила яд, который я приготовила на основе макового дурмана по собственному рецепту. Он в сто раз сильнее того, что продают на черном рынке. Достаточно одного раза, чтобы вызвать привыкание. Генерал Су, ты попалась!

— Ниншуан, мы дружим много лет. Ты прекрасно знаешь, что моя семья и устав армии ненавидят это вещество всей душой. Зачем ты толкаешь меня на путь бесчестия?

— Ты забыла, как я представилась при нашей первой встрече?

Юэ Ниншуан. Ниншуан — как мышьяк.

Ядовитый лекарь из Аптечного павильона Южного края. Ее серебряный нож умеет как спасать жизни, так и отнимать их. Подобно мышьяку, она кажется такой прекрасной.

Су Лисюэ прищурила холодные глаза, изучая девушку, похожую на ледяного духа:

— Кто за тобой стоит?

— Наньчжао, королева Айлао.

— Ха, так легко призналась? Не боишься, что я тебя убью?

Юэ Ниншуан слабо улыбнулась и кончиками пальцев извлекла пилюлю неестественно красного цвета:

— Этот яд неизлечим. Тебе нужно принимать противоядие каждый день, иначе, когда приступ начнется, ты умрешь от одной лишь боли. Убьешь меня — и сама не выживешь.

Су Лисюэ долго молчала, а потом ответила:

— Уходи.

— Что?! — Юэ Ниншуан была ошеломлена такой решимостью. — Если я уйду, кто будет за тобой следить?!

Без нее — верная смерть. Но...

— Я не боюсь смерти.

Она разрывала всякую связь с самой жизнью.

— Су Лисюэ! Ты думаешь, ты такая сильная? Ты каждый день изматываешь себя до полусмерти, и, глядишь, однажды погибнешь на поле боя, как твой брат — без чести, без гроша в кармане, даже тела целого не останется!

Тот простой и изящный юноша в конце концов превратился в обрубок тела, чья рука все еще сжимала верный тесак, а красивые, вечно смеющиеся глаза застыли, так и не закрывшись. Смерть без отмщения.

Она — главнокомандующий, пример для всех, строгая к себе. Но сколько еще таких бессовестных чиновников в Да-И? Взять хотя бы правителя Лянчжоу Сунь Хунвана, который обидел бесчисленное количество девушек; только лекарств для прерывания беременности он заказывал у нее десятки порций. Мерзавец.

— Даже если от меня ничего не останется, это будут мои кости. Даже если мне отрубят голову, это будет моя голова.

— Лисюэ, какая польза от того, что ты девушка? Пойдем со мной. В Да-И женщинам запрещено служить в армии, но на юго-западных окраинах полно богатых стран с сильными правительницами-женщинами, мы же видели. Королева Айлао давно ценит тебя и обещает дать все, что пожелаешь. Стоит тебе лишь кивнуть — и мы выполним любое твоё слово!

Люди, связавшие жизнь с ядами, обычно холодны и безразличны, и в их жизни редко бывают моменты, когда они искренне о чем-то умоляют.

— Замолчи!

Молодой генерал нахмурилась, и этот взгляд, подобный острию копья из черного железа, заставил сердце собеседницы замереть.

— Юэ Ниншуан, не думай, что я не понимаю ваших планов. Если я сдамся, трехтысячекилометровая линия обороны на северо-западе останется без защиты. Ворота будут распахнуты, и Наньчао сможет через Тибет вторгнуться вглубь страны. Когда это отравленное вино прольется по всей империи Да-И, сколько людей погибнет! За кого вы принимаете Армию Динбэй? За кого вы принимаете меня?!

— Лисюэ, ты хоть раз задумывалась: что будет, если однажды ты попадешь в руки врага? Даже если это не демоническая армия, а просто обычные солдаты — что будет, если они узнают, что ты женщина?!

Десять лет войны, сотни побед — враги на всех четырех границах ненавидят ее до глубины души, а награда за ее голову достигла баснословных сумм. Если что-то случится... об этом даже страшно подумать.

— Если я проиграю, какая я тогда победительница?

Тяжелые темные доспехи скрывали ее хрупкость, она выглядела даже мужественнее любого юноши, а в глубине глаз пряталось острое лезвие.

— Хорошо! Генерал Су в зените славы, но при дворе полно трусливых ублюдков, которые мечтают о твоей смерти. Милость императора изменчива, в ней нет ни капли чувств. Стоит тебе оступиться один раз, как они тут же нанесут удар в спину. Преступление против императора — это тоже верная смерть. Кого ты спасешь, будучи такой наивной? Лисюэ, тебе осталось жить всего год, открой же глаза! Это Да-И — могила верности и чести, мир интриганов, где таким, как ты, никогда не дадут подняться!

— Зато я всегда могу сказать таким, как ты, чтобы вы катились к черту!

— Поэтому я и дала тебе достоинство, позволяющее посылать всех к черту!

В этот момент даже воздух, казалось, застыл. Эта упрямица — у нее был путь к отступлению, у нее был выбор. Она могла бы отступить, но вместо этого сама идет навстречу своей гибели. Она что, сумасшедшая?

На следующий день, когда Юэ Ниншуан была «по делам» выслана из страны, вся Армия Динбэй была в шоке. Столько лет только она могла подолгу оставаться в палатке генерала, порой до самого утра. Красавица и благородный муж — все понимали это без слов. Эту нежную, как иней, красавицу называли военным лекарем, но на деле все считали ее... любовницей.

И вот, стоило принцессе появиться в резиденции, как этот ветреный человек, позабыв о десятилетней дружбе, одним махом выставил девушку за ворота.

Ха! Мужчины.

На самом деле, с тех пор как Наньгун Ли переступил порог резиденции генерала, он смутно чувствовал, что что-то не так. Десять лет пролетели, все шло своим чередом, но какая-то фатальная ошибка в самом начале привела к тому, что многое изменилось до неузнаваемости.

Пятнадцать лет назад, когда старый хоу был еще жив, в местах, где он появлялся, всегда гремел смех. Тогда и госпожа была прекрасна: волосы черные, как смоль, ни единого седого волоска, а сама — мягкая и добрая.

В тот день, когда границы были наконец умиротворены, он вернулся с поля боя, окутанного дымом. Пятнадцатилетний юноша еще не был таким пугающе суровым, как сейчас; его характер был удивительно мягким. Несмотря на то, что он был мальчиком, он был покладистее любой девушки, словно мягкая кукла, которую можно было крутить как угодно, и он никогда не злился.

Трехлетняя малышка была такой крошечной, что, даже задрав голову, не могла разглядеть его высокого лица, и он приседал, чтобы поговорить с ней шепотом. Стоило ей заплакать, как он тут же доставал пушистого травяного зайчика, сажал ее к себе на колени и гладил по животу, заставляя смеяться.

Помню, в тот день был ее день рождения, и в резиденции устроили шумный кукольный театр теней. В Сюаньхоу она такого никогда не видела, очень удивилась, посидела немного, а потом потащила брата и сестру Су за кулисы. Су Лисюэ не хотела идти, а вот он встал и побежал вместе с ней все разузнать.

За кулисами было пусто, даже стульев не было, и она быстро устала, пошатываясь, прислонилась к нему. Молодой генерал присел, позволяя ей сесть к себе на колено. Она обхватила его за шею, прижалась к груди и крепко уснула. Вся резиденция смеялась, но при

этом старалась не шуметь, боясь разбудить спящего ребенка.

Теперь же этот волевой человек ослеплен карьерой и жаждой власти. Как подло! Как постыдно!

— Делами раненых я уже распорядилась, передала все военному лекарю Ли, тебе не о чем беспокоиться. И еще, это лекарство...

Юэ Ниншуан повернулась и протянула ярко-красный флакон.

— Ниншуан, я не повторяю дважды, — глухо произнесла фигура в черных доспехах.

— Но ведь ты снова страдала от боли прошлой ночью?

Она почувствовала слабый запах вина, исходящий от доспехов, и, глядя на осунувшееся лицо человека перед собой, невольно вздрогнула. В конце концов, столько лет вместе — даже к кошке или собаке привяжешься, не говоря уже о людях.

— Я знаю, ты спасала меня, и я никогда не забуду твоей доброты. Но я — генерал Да-И, и есть вещи, на которые я не пойду даже под страхом смерти.

Гордый человек, предпочитающий погибнуть, но не стать предателем родины. В конечном счете, они шли разными путями и в конце концов оказались на распутье, где им было не по пути.

— Генерал! Генерал! Староста Ван прислал официальное письмо: из-за внезапного снегопада прошлой ночью обрушился мост на ипподроме!

Внезапно подбежал заместитель Тан Юнь, протягивая утреннее донесение.

— Дело не слишком серьезное, но ипподром далеко. Генерал, вы поедете?

— Готовьте лошадей.

Су Лисюэ не колебалась. Район ипподрома только что был возвращен, народ там беспокойный, и если проявить хоть малейшую небрежность, пустяк может превратиться в большую беду.

Юэ Ниншуан схватила ее, глядя на фигуру в черных доспехах взглядом, который можно было истолковать по-разному, но в ее глазах не было ничего, кроме заботы:

— Такая метель, а ты больна, и все равно едешь в такую даль? Жизнь не дорога?!

Су Лисюэ обернулась и медленно, очень медленно высвободила руку из нежной хватки:

— Это тебя не касается.

— Ублюдок! Неужели обязательно быть такой?!

Девушка, похожая на иней и снег, стояла посреди метели, и голос ее дрожал от гнева. Тан Юнь стоял рядом, чесал затылок и переводил взгляд с одной на другую, не зная, что делать. Молодой заместитель с пухлым детским лицом и наивными глазами совершенно не понимал, на чью сторону встать в их ссоре.

Проводив Юэ Ниншуан, Су Лисюэ начала собираться в путь.

— Генерал, если вы уедете, то, скорее всего, не успеете вернуться даже к Новому году. Может, попрощаетесь с принцессой? — Тан Юнь привязал сумку к седлу и вопросительно моргнул.

Су Лисюэ потерла ноющие виски, чувствуя раздражение:

— Она мне не начальник, с чего бы мне перед ней отчитываться?

От этой маленькой «беды» она старалась держаться подальше. Пять лет назад, когда та впервые предстала перед ней, она сразу ей понравилась. Ее взгляд, не таясь, скользил по ней, почти заставляя забыть, что она носит доспехи своего брата. Она часто играла с братом в переодевания, так что даже мать не могла их различить. Отец был еще более рассеянным и не раз в суматохе отправлял ее на поле боя вместо брата.

Она слышала, что маленькая принцесса — писаная красавица, но не ожидала, что настолько: губки бантиком, миндалевидные глаза, а в уголке правого глаза расцвела обжигающая цветок феникса. Когда она улыбалась, то казалась сладкой, как мед.

При первой встрече малышка радостно подбежала к ней, ничуть не стесняясь, и закружилась вокруг, как розовая бабочка, хлопая черными глазами и пытаясь понравиться.

Теперь тот маленький комочек вырос, и ее красота превзошла все ожидания. В этой девушке из императорской семьи была какая-то неопишуемая, благородная манера, и когда ее черные глаза опускались, казалось, что весь мир меркнет. А когда она смотрела на тебя, не было человека, который не захотел бы ей угодить. Девушка, подобная бутону цветка, еще не знавшая пыли мира, не ведавшая, что такое холод и жестокость, смотрела на нее глазами, полными такой нежности, что сердце начинало гореть.

Сегодня, помогая ей выйти из кареты, она сразу поняла: эта девчонка совсем не приспособлена к трудностям. Семнадцать лет, а косточки такие хрупкие, сама мягкая, как котенок. И такую нежную девушку отправили так далеко, лишь бы задобрить семью Су и Армию Динбэй? Императорская логика заходит слишком далеко.

— Но... там еще госпожа, может, хотя бы ей скажете?

Мать и сын — даже если они в ссоре, нужно хотя бы попрощаться.

— Ладно, зайду, прощаюсь. Через полчаса жди меня у ворот резиденции, — вздохнула Су Лисюэ.

В Сюаньхоу наступил праздник середины осени, травы начали увядать, а на горах Цилян уже вовсю мела метель. В западном дворе резиденции генерала десять лет никто не жил, и как ни убирай, там все равно было холодно. Тяжелые занавески колыхнулись, впуская ледяной ветер, который, словно нож, полоснул по щекам.

Нянюшка прижала занавеску, глядя на бескрайние снега и горные хребты:

— Ваше Высочество, уступите императору, давайте вернемся во дворец.

С тех пор как пять лет назад скончалась императрица, матушка Ли стала для принцессы самым близким человеком, относилась к ней как к родной дочери.

Семнадцатилетняя принцесса крутила в руках платок, наблюдая, как кончик ткани то взлетает, то падает на лепестки лилий, вышитые на платье:

— Хотите — возвращайтесь, я не поеду. Там снова начнутся ссоры.

В семнадцать лет пора выходить замуж, но она наотрез отказывалась. Император И был мудр и решителен, но как отец он совершенно не понимал мыслей собственной дочери. Отец и дочь разругались в пух и прах, и в порыве гнева император сослал ее в эти суровые края. Но послушная маленькая принцесса без лишних слов схватила указ и села в карету, чем довела отца до полусмерти — «Маленькая неблагодарная тварь! Попробуй только не возвращаться всю жизнь!»

Всю дорогу матушка Ли была как на иголках — семья Су в Лянчжоу была всесильна, а генерал был в самом расцвете сил. Вчера на глазах у всех она так сильно задела его, что теперь боялась мести.

Пять лет назад, когда императрица заболела, а принцесса подросла, император приказал ей жить отдельно. Но кто бы мог подумать, что однажды ночью в ее покои ворвется наследный принц, а все служанки внезапно уснут мертвым сном. Когда она пришла к ней после ухода от императрицы, постель была в полном беспорядке... Если она выйдет замуж, это станет известно всем. Кто знает, что пришлось пережить бедной девушке.

— Нянюшка, не волнуйся. Я уже выросла, и Душа Алого Феникса тоже выросла. Если он посмеет меня обидеть, я выпущу Цяоцяо, и она сожжет его дотла!

— Ваше Высочество, ни в коем случае! — испуганно воскликнула нянюшка. — Вас же примут за демона и схватят!

<http://bllate.org/book/20270/2022426>